

**ЧЕХОВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

О ЧЕХОВЕ

**■ ■ СБОРНИКЪ ■ ■
ВОСПОМИНАНИЙ**

Arizona

Texas

Москва, 1910.

Т-во „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтыковскій пер., домъ Т-ва, № 9.



А. П.—студентъ.

Антонъ Павловичъ Чеховъ.

Кому повѣмъ печаль мою?

I.

Антонъ Павловичъ Чеховъ пріѣхалъ въ Москву,—совсѣмъ, навсегда пріѣхалъ. Быть можетъ, правильнѣе сказать: вернулся въ Москву,—въ ту Москву, изъ которой уѣхалъ помимо воли, изъ-за болѣзни, и куда такъ неудержимо стремился всѣ тѣ семь—восемь лѣтъ, которыя онъ прожилъ на моихъ глазахъ въ Ялтѣ, въ ту Москву, которая занимала всѣ его мысли, была для него воистину обѣтованною землей, въ которой сосредоточивалось все то, что было въ Россіи самага хорошаго, пріятнаго, милаго для Чехова. Я видалъ саратовскихъ патріотовъ, полтавскихъ, сибирекихъ, но такого влюбленнаго въ свое мѣсто, какъ былъ влюбленъ Антонъ Павловичъ

въ Москву, я рѣдко встрѣчалъ. Это было немножко смѣшно и немножко трогательно,—болѣе трогательно, чѣмъ смѣшно.

Вотъ одинъ изъ многихъ нашихъ разговоровъ. Антонъ Павловичъ собирается въ Москву; я боюсь за него, всѣми силами отговариваю его и представляю свои аргументы.

— Вѣдь теперь мартъ мѣсяць, Антонъ Павловичъ,—самое отвратительное время въ Москвѣ. Всѣ хляби московскія развернуты.

Я напоминаю ему, что такое московскія хляби, и убѣждаю, что и самое слово «хляби» выдуманно въ Москвѣ и специально для Москвы.

Онъ сердится и начинаетъ ругать Ялту и говорить, что ялтинскія хляби хуже московскихъ. И видно, что ему не терпится, что ему страстно хочется уѣхать въ Москву.

Я начинаю говорить про московскую вонь, про весь нелѣпный укладъ московской жизни, московскія мостовыя, кривули узенькихъ переулковъ, знаменитыя тупики, эти удивительныя Бабьи Городки, Зацѣпы, Плющихи, Самотеки,—и чѣмъ больше неприятностей говорю я по адресу Москвы, тѣмъ веселѣй и пріятнѣе становится хмурое лицо Антона Павловича, тѣмъ чаще смѣется онъ своимъ короткимъ чеховскимъ смѣшкомъ. И видно, что и Самотека, и Плющиха, и даже скверныя московскія мостовыя, и даже мартовская грязь, и сѣрые мгlistые дни,—что все это ему очень мило и наполняютъ его душу самыми пріятными ощущеніями.

Запасъ свѣдѣній о Москвѣ у насъ обоихъ обширенъ,—мы оба учились въ Московскомъ университетѣ,—Чеховъ вдохновляется и говорить:

— А помните?..

И начинаетъ вспоминать знаменитыя пирожки «съ лучкомъ, перцемъ, съ собачьимъ сердцемъ», которые готовились въ грязномъ переулкѣ на Моховой, кажется, специально для насъ, студентовъ-медиковъ, работавшихъ въ анатомическомъ театрѣ и химической лабораторіи;

вспоминаетъ любезныя Патріаршіе пруды и миловидныя Бронныя и Козицкіе переулки, и морщины мелкими складками собираются вокругъ глазъ на похудѣвшемъ лицѣ, и смѣется онъ веселымъ, громкимъ, радостнымъ смѣхомъ, какимъ рѣдко смѣялся покойный Антонъ Павловичъ. И онъ, умный человѣкъ, могъ говорить удивительныя несообразныя слова, когда разговоръ шель о Москвѣ. Разъ, когда я отговаривалъ его ѣхать въ Москву въ октябрѣ, онъ сталъ увѣрять совершенно серьезно, безъ ироніи въ голосѣ,—что именно московскій воздухъ въ особенности хорошъ и живителенъ для его туберкулезныхъ легкихъ, и, притягивая науку въ доказательство, говорилъ, что намъ, врачамъ, не слѣдуетъ быть рутинерами и упираться въ стѣну и что октябрьская московская непогодъ можетъ быть даже полезна для нѣкоторыхъ больныхъ легкихъ. Нечего и говорить о Московской губерніи и объ окрестностяхъ Москвы,—нужно было видѣть, съ какимъ восторгомъ и торжествомъ надъ моимъ невѣріемъ и непониманіемъ рассказывалъ онъ мнѣ, возвратившись какъ-то изъ лѣтней поѣздки въ Московскую губернію, какъ часами ловилъ онъ тамъ пискарей и окуней, какъ великолѣпно отхаркивалъ мокроту, какой развился у него аппетитъ и какъ прибылъ онъ тамъ въ вѣсѣ что-то около восьми фунтовъ за лѣто.

И все было мило для него въ Москвѣ—и люди, и улицы, и звонъ разныхъ Николь Мокрыхъ и Николь на Щепахъ, и классическій московскій извозчикъ, и вся московская безтолочь. Отдышется онъ отъ Москвы и отъ московскаго плеврита, проживетъ въ Ялтѣ два—три мѣсяца,—и снова разговоры все о Москвѣ. И всѣ три сестры, повторяющія на разные лады: «Въ Москву, въ Москву», это—все онъ же, одинъ Антонъ Павловичъ, думавшій вѣчно о Москвѣ и постоянно стремившійся въ Москву, гдѣ постоянно получалъ онъ плевриты и обостренія процесса и которая, имѣя основаніе думать, укоротила ему жизнь.

II.

Случалось, мы сговаривались по телефону, и я приѣзжалъ къ нему по дѣлу, — поговорить объ «Яузлярѣ», санаторіи ялтинскаго благотворительнаго Общества, которымъ онъ очень интересовался, объ устройствѣ какого-нибудь народнаго учителя или земской фельдшерицы, которые приѣхали лѣчиться въ Ялту безъ денегъ; но дѣловыми вопросами разговоръ никогда не кончался. Онъ ждалъ меня въ своемъ кабинетѣ съ разсыпанными по полу газетами, — перечитывалъ онъ ихъ великое множество, — съ каминомъ, набитымъ конвертами и письмами, которыхъ онъ получалъ тоже великое множество, и тотчасъ послѣ дѣловыхъ разговоровъ начиналъ сообщать мнѣ литературныя новости, и говорили мы о новыхъ талантливыхъ писателяхъ, появленіе которыхъ онъ встрѣчалъ съ такимъ радостнымъ чувствомъ, о литературныхъ вѣяніяхъ, о всемъ томъ новомъ, хорошемъ и дурномъ, что входило въ литературу и искусство. И лицо его оживлялось, и искорки юмора вспыхивали въ глазахъ. Приходилось говорить и о тѣхъ конфликтахъ, которыми полна русская жизнь, и о тѣхъ острыхъ и больныхъ вопросахъ, которые давно стоятъ передъ русскою жизнью въ ихъ строгой повелительности, но разговоръ о нихъ недолго продолжался. Лицо его дѣлалось усталымъ и скучнымъ, говорилъ онъ слова скучныя и утомительныя, приводилъ какой-нибудь случай изъ деревенской или обывательской жизни, характеризующій жестокость и некультурность этой жизни, иногда приводилъ свои заграничныя впечатлѣнія и охотно переходилъ на другія темы, и было видно, что ему скучно говорить и хочется уйти отъ надоѣдливой темы и что онъ не любитъ остраго, требовательнаго, повелительнаго. И когда у меня вырывалось рѣзкое, жестокое замѣчаніе о какомъ-нибудь его знакомомъ литераторѣ, ему было неприятно и онъ начиналъ оправдывать его и приводить смягчающія вину обстоятельства.

Онъ стоитъ предо мною въ темномъ костюмѣ, чуточку сгорбившись, съ тихою рѣчью и мягкими манерами, немножко застѣнчивый. И въ небольшомъ кабинетѣ его есть маленькій фонарикъ, совсѣмъ маленькій, гдѣ можетъ помѣститься только коротенькій диванчикъ, и когда Чеховъ говоритъ, онъ любитъ уходить въ фонарикъ и сидѣть на маленькомъ диванчикѣ. А въ большомъ окнѣ кабинета—разноцвѣтныя стекла, чтобы мягче былъ свѣтъ, и противъ фонарика, надъ каминомъ, Левитанъ нарисовалъ маленькую картину—русская, смутная, тихая даль со смутно освѣщенными стогами сѣна... И встрѣчалъ я у него людей добрыхъ и мягкихъ, нетребовательныхъ и неповелительныхъ, и не влекло его къ людямъ строгимъ, которые остро ставятъ вопросы жизни и безъ колебаній отвѣчаютъ на нихъ...

Я вспоминаю полученное письмо и передаю ему «поклоны»,—настоящіе московскіе поклоны,—отъ знакомыхъ писателей, которые любили его, и Антонъ Павловичъ улыбается ласковою улыбкой, отъ которой молодѣло и свѣтлѣло хмурое лицо. И снова говоримъ мы о литературѣ и объ искусствѣ, снова оживлялся онъ и смѣялся своимъ короткимъ смѣшкомъ, и румянецъ выступалъ на блѣдныхъ щекахъ. И забывалъ онъ тогда Москву и свою повышенную температуру, и свое унылое ялтинское одиночество.

Одиночество. Онъ былъ окруженъ нѣжной заботливостью родныхъ и близкихъ, широкимъ и почтительнымъ вниманіемъ ялтинскихъ людей и, тѣмъ не менѣе, онъ былъ одинокъ,—ему недоставало привычной, желанной литературной обстановки, широкой и желанной Московской жизни.

Въ личныхъ отношеніяхъ Чеховъ былъ мягкій, добрый, терпимый, быть можетъ, слишкомъ терпимый человекъ, но въ литературныхъ сужденіяхъ былъ строгъ, и его отзывы о художественной сторонѣ произведеній не знали терпимости. Онъ ненавидѣлъ все сытое, великолѣпное, самодовольное, не знающее сомнѣній, не выносило ничего напыщеннаго, риторическаго, претенціоз-

наго и фокуснаго и былъ поразительно чутокъ ко всякой фальши, ко всему лживому, выдуманному, изломанному. / Здѣсь у него были опредѣленные симпатіи и антипатіи, и были пункты, въ которыхъ онъ былъ удивительно упоренъ. Я помню, какъ нѣсколько разъ онъ старался убѣдить меня, что Гончаровъ—устарѣлый, безталанный и скучный писатель, и никакъ не могъ понять, почему я, перечитавши Гончарова незадолго до нашего разговора, продолжаю находить его интереснымъ и талантливимъ. И въ этихъ разговорахъ чувствовалось, какъ онъ любилъ литературу и что онъ былъ воистину писателемъ въ лучшемъ, высокомъ русскомъ смыслѣ—въ смыслѣ правды, простоты и искренности, которыя всегда составляли главную особенность русской литературы.

Въ домѣ тихо и чувствуется одиночество въ кабинетѣ съ газетами и письмами, и, должно быть, становится совсѣмъ тихо и пусто, когда уходитъ изъ кабинета гость и остается тамъ одинокій человѣкъ съ думами о литературѣ, съ мечтами о Москвѣ. И когда я уходилъ отъ него, у меня всегда была одна и та же мысль: почему этотъ, такъ ищущій людей, человѣкъ одинокъ и почему онъ, жадный къ жизни, съ тонкимъ проникновеніемъ красоты,—хмурый человѣкъ?

III.

«Хмурый человѣкъ» «въ сумеркахъ» пишетъ «пестрые рассказы»,—такъ опредѣлилъ себя своими заглавіями Чеховъ.

Онъ родился не хмуримъ человѣкомъ, и всѣ, знавшіе его въ молодости, говорятъ о немъ какъ о веселомъ, жизнерадостномъ человѣкѣ. И кто не помнитъ его «Налимъ», знаменитый «Винтъ» и тѣ неомраченные грустью первые его рассказы, въ которыхъ было такъ много

веселья и яркаго, громкаго, здороваго смѣха? А потомъ,—чѣмъ дальше, тѣмъ больше,—смѣхъ затихалъ, и скука все ярче сквозила въ его разсказахъ, и все заволакивалось тѣмъ сѣрымъ, однотоннымъ, сумеречнымъ настроеніемъ скуки, тоски и печали, которое и стало извѣстнымъ въ литературѣ подъ названіемъ чеховскаго настроенія. Сталъ онъ писать про «человѣка въ футлярѣ» и про людей «въ оврагѣ» и про дядю Ваню,—такого печально-скучнаго дядю Ваню,—про доктора, лучшаго человѣка, у котораго лучшая мечта—сохраненіе лѣсовъ, писать про зимнюю вьюгу и осеннія сумерки, про сумеречныхъ русскихъ людей, тускло и сѣро влачащихъ дѣпи своего существованія въ русскихъ футлярахъ и оврагахъ, про людей, которые лишь изрѣдка глухо говорятъ, что черезъ 200—300, а быть можетъ и черезъ 1.000 лѣтъ будетъ иная, новая, счастливая жизнь...

Почему это? Почему Чеховъ сталъ хмурымъ человекомъ и печаль легла на этотъ тонкій, изящно вырѣзанный профиль человѣка, рожденнаго «для звуковъ сладкихъ и молитвъ»? Несомнѣнно, много объясняетъ этотъ переходъ отъ радости и смѣха къ скукѣ и печали личная судьба покойнаго писателя. Медленно и трудно проходилъ онъ свой литературный путь. Долго не давались ему ни литературная слава, такъ поднимающая и возбуждающая писателя, ни интимное сочувствіе опредѣленной общественной группы, которое можетъ замѣнить внѣшній литературный успѣхъ. Одинокимъ, медлительнымъ путемъ шелъ онъ чрезъ «Будильникъ» и другія юмористическія изданія, чрезъ «Петербургскую Газету» и «Новое Время» отъ того читателя, который «пробѣгаетъ» газеты и «разсказцы» за чайнымъ столомъ, на конкѣ, на пароходѣ, на желѣзной дорогѣ, къ толстымъ журналамъ, къ настоящему русскому читателю. И когда онъ пришелъ туда, его встрѣтили и радостно, и недоумѣло: радостно—какъ талантъ и недоумѣло—какъ человѣка, и задали ему вопросъ: кто ты? И онъ не отвѣтилъ на него и шелъ одинокій, внѣ лагерей,

признанный тѣми, чью скуку и пошлость онъ изображалъ, и постоянно встрѣчавшій восхищеніе талантомъ, но и вопросъ: кто ты?—отъ тѣхъ, чье признаніе было ему особенно дорого. И это пестрое отношеніе, слагавшееся изъ радости и восторговъ и недоумѣній, такъ и осталось за нимъ вплоть до его смерти. И слава, въ настоящемъ смыслѣ слова,—большая литературная слава пришла къ нему почти одновременно съ первымъ кровохарканьемъ и росла и развивалась параллельно росту и развитію его туберкулезнаго процесса,—и въ этомъ въ сущности, въ этой исключительно трагической коллизіи растущей славы и надвигающейся смерти прошли послѣднія 14 лѣтъ его жизни.

Я не буду больше говорить о болѣзни и ея значеніи для Чехова,—это всякому понятно. Но ни то, ни другое,—ни болѣзнь, ни тяжелая въ матеріальномъ и иныхъ смыслахъ литературная карьера,—не объясняютъ намъ того сложнаго узорчатаго рисунка съ печальнымъ колоритомъ, который представлялъ изъ себя покойный Чеховъ. Дѣло во второй части приведенной мною формулы,—въ «сумеркахъ»,—въ сумеркахъ русской дѣйствительности.

Несомнѣнное несчастье для Чехова—то, что онъ родился въ Россіи. Съ его жадностью къ жизни, къ краскамъ ея, съ его проникновеніемъ красоты, съ его огромнымъ дарованіемъ и чисто художественнымъ темпераментомъ онъ развернулся бы во всю ширь своего таланта и расцвѣлъ бы во всю красоту своей художественной натуры тамъ, гдѣ такъ много солнца и красокъ жизни, гдѣ ничто не мѣшаетъ расти тому, что можетъ расти, гдѣ не взваливается на плечи человѣка ноша, которой онъ не можетъ нести. А онъ жилъ въ сумеркахъ русской жизни. Въ литературѣ уже не разъ отмѣчалось, что студенческіе годы Чехова,—самые значительные для русскаго интеллигентнаго человѣка годы,—прошли въ сумеречное русское время—80-е годы,—время усталости и скуки, «ретроспективныхъ взглядовъ», проповѣди маленькихъ дѣлъ и маленькихъ добродѣтелей. Я не о томъ

хочу сказать,—то время прошло, и Чеховъ видѣлъ другія времена и слышалъ другія пѣсни. Я говорю о сумеркахъ вообще, объ условіяхъ русской дѣйствительности, о комбинаціяхъ и взаимоотношеніяхъ русской жизни, составляющихъ ея особенность, не повторяющихся нигдѣ. Съ одной стороны, сумерки обывательской жизни, съ ея лѣнью, квіетизмомъ, некультурностью, рабскими чувствами, съ маленькою неврастеніей и большою пошлостью,—сумерки, гдѣ всѣ кошки сѣры, одинъ немножко лучше, другой немножко хуже, но всѣ обывательскіе лагеря и партіи благодушно сходятся у карточного стола, за имениннымъ пирогомъ, гдѣ лучшіе люди только ноютъ, скучаютъ и тоскуютъ, плачутъ несолеными слезами и мечтаютъ странными русскими мечтами о сохраненіи лѣсовъ, о томъ, что черезъ 200—300 лѣтъ, а можетъ быть и дольше будетъ иная, свѣтлая жизнь,—кто-то устроить ее за нихъ. Съ другой стороны—русская литература, всегда горѣвшая яркимъ огнемъ, такая строгая и требовательная, гдѣ партіи такъ строго, непримиримо разграничены, гдѣ отгѣнки мнѣній отгѣщаются такъ тревожно и осторожно,—такая странная литература на фонѣ нѣмотствующей, тихой, неразграниченной и покорной обывательской жизни. Литература вездѣ служитъ выраженіемъ общественныхъ теченій мысли и чувства, симпатій и антипатій, но, быть можетъ, нигдѣ эти идейныя теченія, эти общественныя симпатіи и антипатіи не проявляются такъ остро и страстно, какъ въ русской литературѣ. И, конечно, потому, что нигдѣ литература не служитъ такою единственною трибуной, такою исключительною выразительницей идейныхъ теченій въ странѣ. И среди общаго безмолвія особенно громко раздаются въ ней и трусныя звуки, и молитвенные гимны, и покаянныя рѣчи, и вопли тоски и страданія, и крики гнѣва и проклятій; и люди литературы, тѣ, которые уже ушли, которые создали ее и составляютъ гордость Россіи,—они гнѣвные и молитвенные, проклинаящіе и благословляющіе, но почти всѣ яркіе, опредѣленные. Бѣлинскій, Добро-

любовь, Писаревъ, Михайловскій, Помяловскій, Некрасовъ, Тургеневъ, Достоевскій, Салтыковъ, Глѣбъ Успенскій, Гаршинъ... И она, литература, спрашиваетъ, по крайней мѣрѣ, такъ недавно еще спрашивала всякаго, кто входитъ въ нее: кто ты?..

Антонъ Павловичъ Чеховъ былъ прежде всего художникъ, главнымъ образомъ художникъ, только художникъ. И, потомъ, у него не было въ душѣ жажды битвы, но не было и той сытости, того великолѣпнаго самодовольства и несомнѣвающагося великолѣпія, съ которыми такъ удобно сидѣть на «горныхъ вершинахъ» красоты и поэзіи, не спускаясь въ «тихія долины», гдѣ копошится скучная и не совсѣмъ красивая людская толпа. Чеховъ былъ голодный и сомнѣвающійся, и его всегда влекли къ себѣ тихія долины съ ихъ мглой, туманными мечтами и тихими слезами. И, повторяю, онъ былъ русскій писатель, и въ этомъ была драма его жизни. Въ войну алой и бѣлой розы трудно жить палевой розѣ, которая не хочетъ быть ни алой, ни бѣлой.

Чехова много разъ сравнивали съ Мопассаномъ, и я помню, какъ проникательные люди, всегда изслѣдующіе, кто кому подражаетъ, обвиняли Чехова въ подражаніи Мопассану. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, и Мопассанъ остался Мопассаномъ, а Чеховъ сдѣлался Чеховымъ. Въ нихъ, несомнѣнно, есть общее, и не только въ манерѣ и краскахъ, но и въ темахъ, которыя они выбирали; но вотъ какая существенная разница между русскимъ и французскимъ Мопассаномъ.

Мой хорошій знакомый, знаменитый русскій ученый, рассказывалъ мнѣ про свою встрѣчу съ Мопассаномъ у Тургенева. Это было вскорѣ послѣ смерти дяди Мопассана Флобера; Мопассанъ пришелъ къ Тургеневу, котораго онъ, послѣ смерти дяди, называлъ своимъ *chef maîtr'*омъ, посоветоваться о газетѣ, которую онъ вмѣстѣ съ компаніей литературной молодежи, — кажется, туда входилъ и Бурже, — хотѣлъ основать въ Парижѣ. Тургеневъ спросилъ его, какими же принципами будетъ руководиться газета, и Мопассанъ отвѣтилъ: «*Pas de*

principes»! И отвѣтилъ спокойно и рѣшительно, какъ программу, какъ знамя своей газеты.

Чеховъ рѣдко и неохотно говорилъ о своихъ литературныхъ неудачахъ, но я не слыхалъ большей горечи въ его голосѣ и не чувствовалось большой обиды, какъ въ тотъ разъ, когда онъ рассказывалъ мнѣ, какъ въ одномъ толстомъ журналѣ о немъ было напечатано: «Въ русской литературѣ однимъ безпринципнымъ писателемъ стало больше»*)...

И не предлагали Мопассану вопросовъ: кто ты? И не ломали копій по поводу мопассановскихъ «мужиковъ», литературныя и политическія партіи и французскіе люди сравнительно рѣдко ищутъ рѣшенія вопросовъ жизни на страницахъ произведеній французскихъ беллетристовъ...

— Напишите рассказъ въ «Журналъ для Всѣхъ»... Непремѣнно напишите... Вѣдь тамъ какая публика!.. — не знаю ужъ въ которой разъ убѣждалъ меня Антонъ Павловичъ...

IV.

Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ не о Чеховѣ-писателѣ, а о человѣкѣ—Антонѣ Павловичѣ. Публика знаетъ веселаго рассказчика, какимъ былъ Чеховъ въ молодости, и хмураго человѣка, бытописателя русской скуки, пошлости—позднѣйшихъ лѣтъ. Мнѣ хотѣлось бы освѣтить уголокъ души его, самый теплый и трогательный.

Какъ-то разъ, давно, у насъ зашелъ разговоръ о прекрасныхъ и удивительныхъ русскихъ словахъ,—народныхъ словахъ. Что значить «тоска», какъ звучитъ у бабы, только-что всунувшей себѣ ножъ въ грудь, слово «скушно было», какое многосмысленное и полноцѣнное слово «хорошо» и проч., и проч.

Я говорилъ, что для меня самое удивительное рус-

*) Я не читалъ этой статьи и цитирую со словъ Чехова.

ское слово «жалѣть», приводилъ въ примѣръ, что баба никогда не скажетъ, что мужъ любить ее, а отвѣтитъ: «жалѣть»... и иногда прибавитъ: «больно» жалѣть...

И это «больно» вмѣсто «очень» и «жалѣть» вмѣсто «любить» не только характерно для пониманія своеобразнаго содержанія русской любви, но даже до известной степени опредѣляетъ русскую литературу. Помню, Антонъ Павловичъ необыкновенно воодушевился и рассказалъ мнѣ случай изъ деревни, гдѣ онъ жилъ въ Московской губерніи, — кажется, въ той самой, гдѣ жили описанные имъ «мужики». Назначенъ былъ въ приходъ новый дьяконъ, котораго никто не зналъ. А отъ стараго дьякона осталась сука, которая оценилась многочисленными щенятами. И то обстоятельство, что новый дьяконъ не утопилъ по деревенскому обычаю лишнихъ щенятъ, а сталъ кормить, сразу опредѣлило положеніе его въ селѣ. «Пожалѣлъ щенятъ-то!»... — улыбаясь, говорили мужики и рѣшили, что дьяконъ — человѣкъ хорошій. И было такъ много ласки въ его обычной, насмѣшливой улыбкѣ, когда Чеховъ рассказывалъ исторію про дьякона.

Всѣ, близко соприкасавшіеся съ Чеховымъ, знаютъ, какъ много доброты и жалости лежало въ немъ и сколько добра, — стыдливаго, хоронящагося добра дѣлалъ онъ въ жизни. Я помню, какое горячее участіе принялъ онъ въ бѣдѣ, приключившейся съ сыномъ моего знакомаго, и какъ упрашивалъ онъ моего знакомаго воспользоваться тѣми обширными связями, которыя имѣлъ въ разнообразныхъ петербургскихъ кругахъ Антонъ Павловичъ. И, кажется, не было для него большаго удовольствія, какъ устроить кого-нибудь, поддержать молодого писателя, дать возможность прожить въ Ялтѣ бѣдному учителю, найти мѣсто, занятія...

Хочется мнѣ вспомнить здѣсь кое-что изъ рассказовъ Чехова, — не тѣ веселые и хмурые, которые всѣмъ известны, а тѣ, въ которые вложены его любовь и жалость къ людямъ и о которыхъ почему-то меньше говорятъ. Вспоминается Ванька, заброшенный въ Москву девяти-



А. П. и А. Р. Артемъ (арт. М. Х. театра).

лѣтній Ванька, голодный, иззябшій, вѣчно избитый, опускающій въ почтовый ящикъ письмо съ адресомъ: «На деревню, дѣдушкѣ Константину Макарычу»: «Милый дѣдушка, сдѣлай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нѣту никакой моей возможности... Кланяюсь тебѣ въ ножки и буду вѣчно Бога молить, увези меня отсюда, а то помру»... И какъ безконечный плачь, льются горькія, жалобныя дѣтскія мольбы (Разсказъ «Ванька».)

Вспоминается «цоцкай», который всю жизнь ходилъ съ бумагами по мужикамъ и господамъ, въ грязь и метель, тоже голодный и иззябшій, отъ лица котораго Чеховъ говоритъ: «Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ... Мы не знаемъ покоя, не знаемъ радостей... Мы несемъ на себѣ всю тяжесть этой жизни, и своей, и вашей. Мы идемъ, мы идемъ»... («По дѣламъ службы».)

Вспоминается «Тоска»,—старикъ-извозчикъ, который ищетъ человѣка, которому бы разсказать про смерть сына, про свое горе неизбывное; все хочетъ разсказать своимъ случайнымъ сѣдокамъ, своему товарищу, парню-извозчику, и никто не хочетъ выслушать его, и идетъ онъ въ конюшню къ своей лошади и ей говоритъ: «Такъ-то братъ, кобылочка... Нѣту Кузьмы Юныча. Приказалъ долго жить... Теперя, скажемъ, у тебя жеребеночекъ, и ты этому жеребеночку—родная мать... И вдругъ, скажемъ, этотъ жеребеночекъ приказалъ долго жить... Вѣдь жалко?»

Я нѣсколько разъ прочитывалъ разсказъ «Тоска», и теперь, когда Чеховъ совсѣмъ ушелъ изъ жизни, я вспоминаю судьбу его, вспоминаю всего Чехова, и не могу безъ волненія читать взятый имъ къ этому разсказу эпиграфъ: Кому повѣмъ печаль мою?..

И—такъ случилось!—именно въ послѣднее, предсмертное время настроеніе Чехова рѣзко измѣнилось,—шире, свѣтлѣе, выше тономъ стало на душѣ его. Жизнь приласкала его, поманила къ себѣ,—и не только славой и дарами ея, не только личнымъ счастьемъ, но и широкими далями, новыми для Чехова свѣтлыми перспек-

тивами. Измѣнилось его отношеніе къ людямъ и фактамъ, иначе, въ другихъ краскахъ всталъ предъ нимъ міръ.

Эта переменѣна почувствовалась мнѣ еще тогда, когда онъ далъ мнѣ прочитать въ рукописи свою «Невѣсту», но новое настроеніе ярко и опредѣленно сгустилось весной 1904-го года, когда сумерки русской жизни стали разсѣиваться, когда стала проходить русская скука.

Помню,—въ февралѣ или мартѣ рано утромъ ко мнѣ позвонилъ по телефону Чеховъ. Я только наканунѣ поздно вечеромъ вернулся въ Ялту изъ Петербурга и удивился, что Чеховъ уже успѣлъ узнать о моемъ приѣздѣ. Ему было необходимо,—совершенно необходимо увидаться со мной,—и не послѣ обѣда, какъ я обѣщаль—было ему, а какъ можно скорѣе непременно утромъ, такъ какъ есть неотложныя дѣла, нужно сейчасъ же что-то или кого-то устроить... И просилъ онъ настойчиво и голосъ былъ возбужденный. Я поѣхалъ утромъ.

За тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, которые я не видѣлъ Чехова, онъ очень похудѣлъ и осунулся, но я никогда не видѣлъ его такимъ возбужденнымъ и такимъ не то что веселымъ, а радостнымъ. Никакихъ спѣшныхъ дѣлъ, которыя бы надо немедленно рѣшать, не оказалось, и совсѣмъ мы объ Ялтинскихъ дѣлахъ не говорили,—очевидно, ему было необходимо видѣть меня и разспросить о томъ, что дѣлается въ Петербургѣ и Москвѣ, и должно быть, совершенно необходимо было подѣлиться своими новыми мыслями, новыми чувствами. И разспрашивалъ онъ не о литераторахъ и не о свѣжихъ литературныхъ новостяхъ, которыми всегда преимущественно интересовался,—а о томъ, что говорилось и чувствовалось на Пироговскомъ съѣздѣ врачей въ Петербургѣ, о томъ, что дѣлается въ союзѣ «Освобожденіе», какое настроеніе въ передовыхъ общественныхъ кругахъ Москвы и Петербурга, когда и какъ ждуть паденія стараго строя и какія мѣры къ тому принимаются.

И когда самъ онъ рассказывалъ, не то и не такъ говорилъ, какъ говорилъ раньше,—и когда иллюстрировалъ

фактами изъ газетъ, было видно, что за зиму онъ не такъ читалъ газеты, какъ раньше, и другое искалъ въ нихъ,—не проявленія скуки, хмурости и сумеречности русской жизни, а факты подъема и роста оппозиціоннаго настроенія въ Россіи. И про «мужиковъ» не по-прежнему говорилъ.

И тонъ его былъ другой и манеры другія. Не было прежней мягкости и терпимости, и неслыханныя раньше реплики вырывались у него по адресу людей, къ которымъ онъ такъ недавно относился съ большой мягкостью!

— «Мерзавецъ,—прямо мерзавецъ! Да вы еще не знаете, Сергѣй Яковлевичъ, что они подлецы»...

И отъ подлецовъ и мерзавцевъ переходилъ къ тому превосходному, что дѣлается въ Россіи, и все убѣждалъ меня, что теперь ужъ кончено, что все тронулось съ мѣста и назадъ не воротится и чудесно все устроится...

Мнѣ было и радостно и немножко смѣшно слушать Антона Павловича. Я вспоминалъ короткія размовки, какія бывали между нами именно изъ-за моихъ рѣзкихъ отзывовъ о тѣхъ же самыхъ людяхъ, которыхъ онъ теперь честилъ мерзавцами, вспоминалъ, какъ быстро уставалъ и какъ скучалъ онъ такъ недавно отъ разговоровъ на политическія темы, какъ называлъ меня оптимистомъ, когда я начиналъ говорить ему о глубокомъ сдвигѣ, о коренномъ измѣненіи мыслей и чувства въ низшихъ и въ среднихъ слояхъ населенія. Теперь выходило, что я скептикъ, и не я его, а онъ меня убѣждалъ, что все скоро, очень скоро образуется...

И не уходилъ онъ въ свой укромный фонарикъ, все возбужденно шагалъ по кабинету и, повидимому, негодовалъ, что я спокойно сижу въ мягкомъ обширномъ креслѣ и, хотя и изрѣдка, дѣлаю оговорки и выражаю сомнѣнія.

— Да что вы?—наступалъ онъ на меня. Вѣдь это такъ ясно. Развѣ вы не видите?

Для меня много было еще тогда не ясно, но ясно и несомнѣнно было одно,—что А. П. ждалъ новой, свѣт-

лой и счастливой жизни не черезъ 200—300 лѣтъ, а гораздо раньше, скоро и даже очень скоро, что онъ звалъ это будущее, и былъ увѣренъ, что вотъ завтра, послѣ завтра случится нѣчто, что сразу прогонитъ печаль и скуку русской жизни. И я знаю, что тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, которые протекли отъ этого нашего разговора до его смерти, онъ всякое утро лихорадочно захватывалъ газету, чтобы прочесть, что случилось то, чего онъ такъ напряженно ждалъ, чего онъ такъ горячо желалъ...

Онъ умеръ, не дождавшись, и только блѣдной улыбкой предразсвѣтнаго утра глянула ему въ лицо новая жизнь. Онъ умеръ въ полномъ расцвѣтѣ своего таланта, и новая полоса начиналась въ «Чеховскомъ настроеніи» и быть можетъ новая полоса начиналась бы въ Чеховскомъ творествѣ...

И вотъ почему слова—«безвременная кончина А. П. Чехова»—звучать особенно печально и особенно справедливо.

С. Елпатьевскій.



Гостиница въ Баденвейлерѣ, гдѣ скончался А. П.